# МЕЖДУ DIY И ИНСТИТУТАМИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМАТОВ ПОЛИТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

*УДК 321.02-053.81* *ГСНТИ 26.03.01, 02.41.41*
*ББК 66.041.32* *Код ВАК 23.00.02*
*DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-45-52*

**И.А. Симонова**
Уральский государственный педагогический университет,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 649278

**АННОТАЦИЯ:**
Современная молодежь характеризуется высокой степенью разнообразия и все возрастающей мобильностью, что выражается, в том числе, во множественности и текучести коллективных молодежных субъектов, заявляющих о своих интересах, правах и потребностях. Сообщества и солидарности возникают и вскоре рассыпаются, специфические практики, ассоциируемые с ними, воспроизводятся уже в новых контекстах. «Рассеянная» политизация молодежи ощущается и в расширении репертуара ее социально-политических активностей, реализация которых возможна сегодня не только в вертикали официальных государственных институций, но происходит и в горизонтальной плоскости автономных «низовых» инициатив по принципу D.I.Y. (Do it yourself), что создает проблему описания и систематизации указанных феноменов. Цель представленной работы – предложить инструменты для описания современных явлений политизации молодежи: дать представление о понятии формата политизации, охарактеризовать признаки более традиционной (институциональной) и современной (самоорганизующейся) его версий. В основе исследования лежат установки социальной топологии, социальной гетерологии, некоторые положения постопераизма. Работа носит теоретический характер и базируется на анализе, обобщении и систематизации теоретических положений, однако представленные исходные предположения исследования и полученные выводы соотнесены с анализом результатов эссе на тему политического самоопределения молодежи (n=21), с результатами интервью с молодежью в возрасте от 12 до 33 в 2017 (n=17) и от 14 до 30 в 2019 (n=10), а также с анализом активностей и высказываний молодежи в социальных сетях. В тексте раскрыты понятия формата политизации, представлены особенности современных политических институтов и форматов, которые они предлагают, а также обосновывается методология D.I.Y. как теоретическая рамка для исследования внеинституциональных форматов политизации.
**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32130.**

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:**
молодежь, политика, форматы политизации, политический институт, D.I.Y., политические стратегии молодежи.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:**
Ирина Александровна Симонова, кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, luboe05@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Симонова И.А. Между DIY и институтами: социально-философский анализ форматов // Вопросы управления. 2019. №6 (61). С. 45—52.

© И.А. Симонова, 2019

Политическая активность стала значимой характеристикой современной молодежи: исследования последних лет выявили не только интерес к политической информации, но и фактическую включенность молодого населения в политические прак-

тики [1, 2, 3]. Это происходит на фоне возрастающей личной и групповой активности молодежи, роста количества гражданских инициатив, стабильной популярности волонтерства [4]. Очень важно, что такие инициативы становятся все более заметными, поскольку молодежь стремится не просто делать что-то, но требует, чтобы это воздействие было результативным, действительно меняло положение в обществе и государстве, пытается создавать рычаги влияния, претендует на ресурсы, и, что важно, стремится заявлять об этом публично. Именно такие особенности молодежной практики обуславливают переход гражданских инициатив в поле политического.

Отметим, что определение сущности и границ политического само по себе представляет непростую задачу. Опираясь на работу А. Н. Савельева [5], где он дает исчерпывающий обзор наиболее влиятельных подходов к данной проблеме, обращаясь к анализу концепций К. Шмитта, У. Бека, М. Вебера, К. Маркса, А. Хеллер, Т. Майера и др., можно выделить лишь несколько основных критериев: наличие претензии на установление влияния, публичность заявки на определенную меру власти, утверждение своей значимости среди прочих действующих субъектов, некое противостояние (напряженность, но не конфликт!). Политизация, таким образом, будет пониматься нами как оформление некоего субъекта, публично заявляющего о своих правах на ресурсы и интересах, оказывающих влияние на положение дел в обществе. Еще одно важнейшее условие – оформленность самого этого субъекта [6], однако его качества также требуют сегодня дополнительных пояснений: проницаемость большинства общностей, цифровой характер коммуникации, высокий уровень мобильности молодежи, отсутствие жестких социальных связей заставляют уходить от представления о политическом субъекте как о традиционном устойчивом институте или организации. Более того, приходится обращаться и к пересмотру самого понятия институциональности. Происходит расширение границ политического, а вместе с этим расширяется круг явлений политизации, имеющих самые разнообразные формы, требующие соответствующего языка описания. Цель представленной работы – предложить инструменты для описания современных явлений политизации молодежи: дать представление о понятии формата политизации, охарактеризовать признаки более традиционной (институциональной) и современной (самоорганизующейся) его версий.

Мы предлагаем воспользоваться понятием формата, которое приходит в научную среду из практической области – из технологии проведения форсайта. При проектировании будущего формат выступает как один из составных элементов подготовки карты времени, и призван описать социальный /институциональный ответ на вызов или возможность [7]. Он, по сути, представляет собой воплощение социальных практик, можно сказать, что формат – это социальное место (топос), форма социального взаимодействия со специфически организованной коммуникацией, особенностями отношений между людьми, отражающая комбинацию социальных технологий, способных, при необходимости, оказать организующее воздействие на участников (своего рода «мягкие технологии»). Обращение к форматам как к формам социальности дает возможность лучше понимать политические стратегии современной молодежи, поскольку позволяет обнаружить наиболее значимое различие между весьма разнообразными вариантами молодежной политизации: институциональный или же неинституциональный способы ее организации.

Дж.-И. Лэйн и С. Эрссон отмечают, что существует две концепции социального института: «тонкая» концепция рассматривает институт как совокупность норм, управляющих людьми с помощью санкций, что подразумевает, что институты аналитически отличаются от других факторов, формирующих поведение, таких как интересы, предпочтения и информация. Институт предполагает наличие правил для группы, строго в рамках которых осуществляется рациональный выбор. В отличие от этого, «толстая» концепция института, которой мы будем придерживаться далее, предполагает не только правила или нормы, но учитывает жизненные практики, воспоминания и особенности включенных в него личностей. Институт рассматривается как практика: это модели поведения, сформированные ожиданиями и связанные с интересами и системами убеждений участников

[8]. Институты включают в себя «процедуры, конвенции, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, коды, культуры и знание ...» [9, с.22]. Интересы институтов как организаций отражают историческое наследие, национальные интересы и потребности самого сообщества, а также представления о себе и о том, что они могут сделать для общества. Таким образом, институты становятся акторами, которые имеют собственные интересы, такие как самопродвижение и выживание [8]. В.М. Ананишнев, анализируя подходы Ю.А. Левады, А.Р. Редклифф-Брауна, Т.И. Заславской, определяет социальный институт как организацию действия и отношений через систему релевантных общественной задаче норм и стандартов, соответствие которым поощряется, а отклонение подавляется [10, с.71]. Он выделяет такие критерии как: постоянное и прочное взаимодействие между участниками связей и отношений; четкое определение функций, прав и обязанностей, которые обеспечивают взаимодействие каждого из участников связи; регламентация и контроль за этим взаимодействием субъектов; наличие специально подготовленных кадров, обеспечивающих функционирование социальных институтов; наличие материальной, финансовой, ресурсной базы. Таким образом, институт физически – это «совокупность людей, учреждений, наделенных материальными и финансовыми средствами для выполнения определенных социальных функций...»[10, с. 114]. Сходные установки представлены и в Российской социологической энциклопедии: институт определен наличием норм; интеграцией в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально- правовую основу деятельности того или иного института, осуществлять социальный контроль над институциональными типами действий; наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний и осуществления социального контроля [11, с.157]. Что касается именно политических институтов, отмечается, что они устанавливают и поддерживают в балансе пределы доступа к материальным и нематериальным (безопасность, доступ к информации, статус, престиж, власть) ресурсам, что позволяет избегать конфликтов и кризисов. Обеспечение пределов требует установления в обществе властных отношений, власти одних над остальными. Власть должна быть в состоянии определять те пределы развитию споров и конфликтов, по достижении которых необходимо принять властное решение, которое должно всеми восприниматься как обязательное [10, с.77]. При этом только за политической властью признается право применения всех видов санкций, включая физическое принуждение, лишение свободы и даже жизни. Однако насилие со стороны политической власти должно быть легитимным, т. е. признанным и принятым большинством членов общества [12]. Политическая власть может быть образована различными путями и по-разному распределяться, быть либо монолитной, либо диффузной [10, с. 81]. Политические институты создают условия, в которых отдельные субъекты участвуют и действуют в соответствии со своими интересами или предпочтениями в рамках установленных правил выбора. Из всего сказанного можно заключить, что к особенностям институциональных форматов политизации относятся: функционирование вокруг вопросов управления общественными ресурсами; осознанная ориентированность (приспособленность) к общественным потребностям, а также интересам самих политических институтов, вокруг которых складывается формат; наличие особых устойчивых норм и моделей поведения; наличие влияния ряда традиций, истории институтов; участие в организации формата профессиональных кадров; установленная иерархия, распределенность ролей; наличие ресурсов и материально-технической базы; юридическая закрепленность; легитимность; устойчивость во времени и пространстве; управляемость; преобладание так называемых инструментальных (деловых) социальных связей. Таким образом, приходя на предвыборную встречу с кандидатом, в дискуссионный клуб молодежного крыла партии, согласованный митинг, выездной фестиваль на природе, на заседание молодежного парламента мы можем рассчитывать на форматы, обязательно обладающие сходными чертами.

По мнению Э. Гидденса, социальная структура не отстранена от индивида и не является внешней по отношению к нему, но

коренится в виде норм и моделей поведения в его субъективных установках [13, с.516]. В условиях доступа к разнообразным потокам коммуникации, информационным технологиям, общей индивидуализации жизни, это позволяет ему при желании уходить от институциональной структурированности, и политизироваться соответствующим образом, что и обуславливает существование современных внеинституциональных форматов политизации. Е. Такер указывает, что сети, рои и множества людей являются примерами мутаций в современном теле политики: «Эти мутации являются структурно инновационными, но политически амбивалентными. В некоторых контекстах <…> они могут стать политически радикальными. В других контекстах <…> они становятся консервативными или реакционными».

Эти мутации, по его мнению, не только становятся отражением современной материальной составляющей политики (сетевой характер жизни, склонность к сообщению и др.), выражают необходимость пересматривать понятие политического тела, отступать от традиции суверенитета, не противореча ему [14], допуская параллельные формы. Это говорит не только об изменении форм общностей, обеспечивающих динамику политического процесса, но о функционировании форматов политизации, оторванных от традиционного государственного, и вообще от институционального тела политики. Е.Такер приводит также интересный пример необычного «рассеянного» формата: «Одним из примеров являются различные формы коллективного инакомыслия и протеста, которые в последнее время проявляются в широком диапазоне контекстов – то, что мы можем назвать «распределенным инакомыслием». Например, битва за Сиэтл в 1999 году на саммите ВТО и, в частности, координация протестов Сети прямого действия. <…> форма, которую приняли протесты, не была основана исключительно на массовом сборе тел в централизованном, хорошо видимом месте. Вместо этого, так называемые "аффинити-группы" – от сторонников демократии до анархистов – организовались на местном уровне, рассредоточившись в центре Сиэтла и его окрестностях, тем самым нарушая условия содержания и контроля со стороны ОМОНа. <…> использование мобильных телефонов, пейджеров и других технологий было важным фактором, позволяющим группам по интересам общаться и координировать свои движения в городе» [Там же]. Современные формы политической активности разворачиваются в форматах, описание которых через концепцию института становится бесполезным, они окажутся просто невидимыми относительно свойств политического института. Однако довольно перспективной для такого описания оказывается концепция D.I.Y.

Термин D.I.Y. (Do it yourself) возник для определения подхода к самостоятельному ремонту или производству вещей еще в 1950-х годах в связи с появлением тенденции самостоятельно обустраивать дом и развитием небольших ремесленных и строительных проектов. Позднее термин утвердился как обозначение творчески-рекреационной и частной экономической деятельности. На современном этапе понятие D.I.Y. содержит в себе представление о более широком круге явлений в сфере бизнеса, домашнего хозяйства, образования, музыкальной, издательской практик, садоводства и др. (репертуар хорошо представлен на многочисленных ресурсах, например, https://www.doityourself.com/) , и применяется для описания потребительского поведения, при котором «люди используют сырье и полуфабрикаты для производства, преобразования или реконструкции материальных ценностей, в том числе добытых в естественной среде (например, в ландшафтном дизайне)» [15].Отметим, что распространена практика не только D.I.Y. производства предметов, но и предоставления себе услуг (консультации, образовательная работы, тренировки и пр.)

Исследователи описывают D.I.Y. как своеобразный стиль жизни, который может распространяться как на большинство сфер деятельности, так и проявляться лишь в некоторых практиках. При этом приверженность идее может быть осознанной и позиционироваться человеком в качестве ведущей, так и неосознанной, в этом случае принцип деятельности соответствует концепции, однако не артикулируется как таковой. Именно поэтому D.I.Y. сообщество нельзя назвать сообществом в общем смысле: D.I.Y. не предполагает какой-либо общей цели у всех, кто его поддерживает, поскольку не предполагает единой идеологии. От-

мечается, что и одиночки и те, кто координирует людей могут придерживаться такого подхода. Можно быть панком, проповедовать анархические идеи и жить в сквоте, можно быть хиппи и основать коммуну и коллективный эко-сад, а можно разводить дома пчел и изготавливать продукты питания, либо перевести детей на домашнее обучение [16]. Таким образом, они очень разные и их объединяет лишь одно – ориентация на самостоятельное выполнение интересующей их активности, и избегание помощи профессиональных сообществ и лиц в качестве источника решения текущих проблем. Для нас это важнейший тезис, позволяющий вопреки стереотипному восприятию идей D.I.Y. в российской среде как сугубо «панковских» увидеть стратегию D.I.Y. как универсальный методологический конструкт, описывающий как и почему самоорганизация применяется во многих сферах, в том числе, в области политизации среди молодежи.

В работе М. Вулф и С. Макгилти представлены ключевые мотивы D.I.Y. потребителей: вдохновляющий опыт самостоятельного удовлетворения потребностей, идентификация с общностью D.I.Y., конструирование идентичности как делающего самостоятельно, желание создать нечто уникальное, желание обрести чувство контроля, получение удовольствия, желание чувства завершенности, экономическая выгода, недоступность необходимого товара, недоверие к качеству имеющегося товара, прямое недовольство качеством доступного товара [15]. Учитывая тенденцию снижения доверия к официальным государственным политическим институтам и партиям, а также принимая во внимание общий рост самостоятельной активности (что уже упоминалось выше), можно предположить, что обращение к D.I.Y. в структуре политических стратегий в молодежной среде определяется сходной мотивационной структурой. Анализ эссе (n=21), а также результаты интервью 2017 (n=17) и 2019 (n=10), обобщение анализа активностей и высказываний молодежи в социальных сетях говорят в пользу этой версии: нежелание вливаться в существующие институциональные активности сопряжено с представлениями об их низкой эффективности, труднодоступности, низких «потребительских» качествах. При этом, отмечается потребность в самовыражении и получении удовольствия от активностей социального характера, что также не всегда возможно при взаимодействии с институтами. Огромное значение при построении политической стратегии имеют характеристики форматов политизации D.I.Y., выделим их: отсутствие властного кластера, децентрализация; подвижность; нестабильность во времени и пространстве, иногда – отсутствие физической локации; минимум или полное отсутствие профессиональных организаторов; экономичность (необходимы минимальные ресурсы); минимальный набор или полное отсутствие утвержденной модели поведения или норм; ситуативный характер; отсутствие жесткой иерархии; неустойчивость социальных связей; динамичность. Указанные характеристики, таким образом, обеспечивают ощущение свободы, сопряженное с относительно быстрым удовлетворением потребности в действии, реализации локальных конкретных задач. При этом возникает эффект экспрессивности коммуникации, индивидуализации вклада и гордости за личный эффект на фоне высокой скорости обратной связи и ощущения эксклюзивности происходящего. Все эти особенности D.I.Y. весьма привлекательны для молодежи. В том числе, внеинституциональные форматы дают возможность дифференцироваться от традиционных массовых политических практик, что отмечает Е. Такер: «примеры распространенного инакомыслия отличаются от традиционных моделей протеста и активизма. Их горизонтальные, распределенные свойства значительно отличают их от централизованных форм массового протеста» [14]. Если «Как я могу сделать это сам?» или «Как я могу сам повлиять на ситуацию?» – первое что думает человек в отношении условий жизни, позиций, вопросов разделения ресурсов, тогда D.I.Y. переходит в категорию политического. [16], поскольку ставит вопрос об обращении и распределении ресурсов и снятии функции управления ими с институтов, которые призваны этим заниматься. Общественный контроль, акты политического вандализма, молодежный вигилантизм, флешмобы, частные публикации в сети, интернет-активности (хэштег-поддержка, публикации, обсуждения в сети, репосты), самодеятельные городские изменения (сквотирование, захваты и обу-

стройство пустырей) предпочтительны для многих именно потому, что существует установка: любая потребность в рамках концепции D.I.Y., любая проблема общественного характера может и должна решаться самостоятельно и без привлечения профессионалов. Речь идет, прежде всего, о форме, которая предполагает активность на местах, самостоятельность выполнения основной работы, отсутствие властного центра, отсутствие массовости при «крафтовом» подходе, и все это на фоне недоверия к существующим профессиональным системам. Появляется важная аффективная составляющая D.I.Y. в альтернативу техническому подходу институций. Указанные особенности делают форматы D.I.Y. привлекательной формой для молодежной политизации. При этом, совсем не обязательно, что конечная цель или содержательные ценности будут идти вразрез с нормами общественной морали или общечеловеческими установками. Речь идет именно о формате, той форме и комбинации методов, которые определяют практику молодежной политизации.

Следует понимать, что нельзя называть один из описанных типов форматов более или менее эффективным. Если институциональные форматы устойчивы и стабильны, то отличаются меньшей гибкостью и подходят не для всех, что становится причиной потери части молодежной аудитории. Между тем и D.I.Y. форматы не подойдут для каждого ввиду распыленности и высокой динамики изменений, необходимости каждый раз выстраивать с нуля пространство для реализации своих политических интенций. Однако наличие разнообразных типов форматов политизации обеспечивает высокую политическую активность молодого населения, способствует общей политической динамике, формируя общественное мнение и создавая основу для образования действующих социально-политических групп. В любом случае D.I.Y. форматы не предполагают отказ от общества, не исключают человека из радиуса действия политических институтов, а где-то и активируют их влияние, оказываясь факторами институционального развития.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3-18.

2. Молодежное политическое лидерство в ценностно-когнитивном пространстве Северо-Западных и Южно-Сибирских регионов России: брошюра. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019.

3. Милорава А.Р. Политическая активность российской молодежи на современном этапе // Молодой ученый. 2017. №14. С. 572-573.

4. Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов. Результаты исследования, 2015-2019 г. [электронный ресурс]// ЦМИ ВШЭ. URL: https://spb.hse.ru/soc/youth/rnf/paper (дата обращения: 1.11.19)

5. Савельев А.Н. Непонимание политического // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Материалы Междунар. науч. конф. (23-24 апреля 2009 г.). М., 2009

6. Томильцева Д.А. Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля// Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 4 (83). С. 25-35.

7. Форсайт-школа НТИ. RAPID FORSIGHT методология. Рабочие материалы. Версия 0.3 [электронный ресурс] // Ассоциация «Саморегулируемая организация оценщиков «Экспертный совет». URL: https://srosovet.ru/content/editor/Metodichka_foresight.pdf (дата обращения: 10.09.2018).

8. Lane J-E, Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes, London and New York: Routledge, 2000.

9. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life, American Political Science Review. 1984. №78. P. 734–749

10. Ананишнев В.М. Социальная структура, социальные институты и процессы : монография. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2013.

11. Российская социологическая энциклопедия. Норма-Инфра М Москва, 1998.

12. Green L. The Authority of the State. Clarendon Press, 1990.

13. Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989.
14. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. Part One. [электронный ресурс] // CTheory. URL: http://www.ctheory.net/ articles.aspx?id=422 (дата обращения: 01.10.2019).
15. Wolf M., Mcquitty S. Understanding the do-it-yourself consumer: DIY motivations and outcomes. AMS Review, 2011.
16. Wehr K. DIY: The Search for Control and Self-Reliance in the 21st Century. Framing 21st Century Social Issues. Routledge, 2013.
17. Institutions and Political Choice. On the Limits of Rationality. Amsterdam : VU Press, 1996.

## BETWEEN DIY AND INSTITUTIONS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF YOUTH POLITICIZATION FORMATS

**I.A. Simonova**
Ural State Pedagogical University,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

**ABSTRACT:**
Modern youth is characterized by a high degree of diversity and increasing mobility, which is reflected, among other things, in the multiplicity and fluidity of collective youth actors who declare their interests, rights and needs. Communities and solidarity arise and soon disintegrate, and specific practices associated with them are reproduced in new contexts. The "scattered" politicization of youth is also felt in the expansion of the repertoire of its socio-political activities, which can be implemented today not only in the hierarchy of official public institutions, but also in the horizontal plane of autonomous "grassroots" initiatives on the principle of D.I.Y. (Do it yourself), which creates the problem of describing and systematizing these phenomena. The purpose of the presented work is to offer tools for describing modern phenomena of youth politicization: to give an idea of the concept of the format of politicization, to characterize the features of more traditional (institutional) and modern (self-organizing) versions of it. The research is based on the principles of social topology, social heterology, and some post-operatic positions. The work is theoretical in nature and is based on the analysis, generalization and systematization of the theoretical positions, however, presented assumptions of the study and the findings associated with analysis of an essay on the political identity of youth (n=21), with the results of the interviews with young people aged from 12 to 33 in 2017 (n=17) and from 14 to 30 in 2019 (n=10), as well as an analysis of the activities and statements of the youth in social networks. The text reveals the concepts of the format of politicization, presents the features of modern political institutions and formats that they offer, and justifies the methodology of D.I.Y. as a theoretical framework for the study of non-institutional formats of politicization.
**The research was carried out with the financial support of the RFBR and ANO EISI in the framework of the research project No. 19-011-32130.**

**KEYWORDS:**
youth, politics, formats of politicization, political Institute, D.I.Y., political strategies of youth.

**AUTHORS' INFORMATION:**
Irina A. Simonova, Cand. Sci. (Philosophical), Associate Professor, Ural State Pedagogical University,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620000, Russia, luboe05@mail.ru@yandex.ru.

**FOR CITATION:** Simonova I.A. Between DIY and institutions: social and philosophical analysis of youth politicization formats // Management Issues. 2019. №6 (61). P. 45—52.

## REFERENCES

1. Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth / / Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 5. P. 3-18. [Brodovskaya E. V., Khuang T. Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaya mobilezatsiya i politicheskiy protest rossiyskoy molodezhi// Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. № 5. S. 3-18.] – (In Rus.)

2. Youth political leadership in the value-cognitive space of the North-Western and South-Siberian regions of Russia: brochure. Barnaul: Publishing house Alt. Un-ty, 2019. [Molodezhnoe politicheskoe liderstvo v tsennostno-kognitivnom prostranstve Severo-Zapadnykh i Yuzhno-Sibirskikh regionov Rossii: broshyura. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2019.] – (In Rus.)

3. Milorava A.R. Political activity of Russian youth at the present stage / / Young scientist. 2017. No. 14. P. 572-573. [Milorava A.R. Politicheskaya aktivnost' rossiyskoy molodezhi na sovremennom etape // Molodoy uchenyy. 2017. №14. S. 572-573.] – (In Rus.)

4. Creative fields of interethnic interaction and youth cultural scenes of Russian cities. The results of the study, 2015-2019 [electronic resource]. URL: https://spb.hse.ru/soc/youth/rnf/paper (date accessed: 1.11.19) [Sozidatel'nye polya mezhetnicheskogo vzaimodeystviya i molodezhnye kul'turnye stseny rossiyskikh gorodov. Rezul'taty issledovaniya, 2015-2019 [elektronnyy resurs]// TsMI VShE. URL: https://spb.hse.ru/soc/youth/rnf/ paper (data obrashcheniya: 1.11.19)] – (In Rus.)

5. Savelyev A.N. Misunderstanding of the political / / Russian politics of the XXI century: the non-political potential of the political: Proceedings of the international conference. science. Conf. (April 23-24, 2009). Moscow, 2009 [Savel'ev A.N. Neponimanie politicheskogo // Rossiyskaya politika XXI veka: nepoliticheskiy potentsial politicheskogo: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (23-24 aprelya 2009 g.). M., 2009] – (In Rus.)

6. Tomiltseva D.A. Historical and political responsibility: coincidence of borders of a problem field. Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics). 2016. No. 4 (83). Pp. 25-35. [Tomil'tseva D.A. Istoricheskaya i politicheskaya otvetstvennost':sovpadenie granits problemnogo polya// Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). 2016. № 4 (83). S. 25-35.] – (In Rus.)

7. Forsight school NTI. RAPID FORSIGHT methodology. Working material. Version 0.3 [electronic resource] // Association "self-regulatory organization of appraisers "Expert Council". URL: https://srosovet.ru/content/editor/Metodichka_foresight.pdf (accessed 10.09.2018). [Forsayt-shkola NTI. RAPID FORSIGHT metodologiya. Rabochie materialy. Versiya 0.3 [elektronnyy resurs] // Assotsiatsiya «Samoreguliruemaya organizatsiya otsenshchikov «Ekspertnyy sovet». URL: https://srosovet.ru/content/editor/Metodichka_foresight.pdf (data obrashcheniya: 10.09.2018).] – (In Rus.)

8. Lane J-E, Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes, London and New York: Routledge, 2000.

9. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life, American Political Science Review. 1984. №78. P. 734–749

10. Ananishnov V.M. social structure, Social institutes and processes: Monograph. Moscow: SIC "Engineer", 2013. [Ananishnev V.M. Sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy: Monografiya. M.: OOO NITs «Inzhener», 2013.] – (In Rus.)

11. The Russian sociological ENCYCLOPAEDIA / Under the editorship of academician G. V. Osipov. – Norma-Infra M Moscow, 1998. [Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya / Pod red. akademika RAN G.V. Osipova. — Norma-Infra M Moskva, 1998.] – (In Rus.)

12. Green L. The Authority of the State. Clarendon Press, 1990.

13. Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989.

14. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. Part One. [elektronnyy resurs] // CTheory. URL: http://www.ctheory.net/ articles.aspx?id=422 (data obrashcheniya: 01.10.2019).

15. Wolf M., Mcquitty S. Understanding the do-it-yourself consumer: DIY motivations and outcomes. AMS Review, 2011.

16. Wehr K. DIY: The Search for Control and Self-Reliance in the 21st Century. Framing 21st Century Social Issues. Routledge, 2013.

17. Institutions and Political Choice. On the Limits of Rationality. Amsterdam : VU Press, 1996.